

Pospíšil, Ivo (editor)

Слово о плъку Игореве, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова

In: Pospíšil, Ivo. *Stará literatura východních Slovanů a ruská literatura 18. století : (přehled a exkurzy s ukázkami textů z literatury 11.–17. století)*. 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2014, pp. 110-129

ISBN 978-80-210-7281-7; ISBN 978-80-210-7284-8 (online : Mobipocket)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/131896>

Access Date: 22. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

**СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВЕ,
ИГОРЯ СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА****Древнерусский текст**

Не лепо ли ны бяшетъ, братие,
начяти старыми словесы
трудныхъ повестий о пълку Игореве,
Игоря Святъславлича?
Начати же ся тѣй песни
по былинамъ сего времени,
а не по замышлению Бояню!
Боянъ бо вещей,
аще кому хотяше песнь творити,
то растекашется мыслию по древу,
серымъ вълкомъ по земли,
шизымъ орломъ подъ облакы.
Помняшетъ бо рече,
първыхъ временъ усобице.
Тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедей;
который дотечаше,
та преди песнь пояше -
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
иже зареза Редедю предъ пълкы касожьскими,
красному Романови Святъславличю.
Боянъ же, братие, не 10 соколовъ
на стадо лебедей пушаше,
нъ своя вещиа прѣсты
на живая струны въскладаше;
они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повесть сию
отъ стараго Владимира до ныняшнего Игоря,
иже истягну умъ крепостию своею
и поостри сердца своего мужествомъ,
наполънився ратнаго духа,

наведе своя храбрѣя плъкы
на землю Половецкую
за землю Рускую.

Тогда Игорь възре
на светлое солнце
и виде отъ него тьмою
вся своя воя прикрыты.
И рече Игорь
къ дружине своей:
„Братие и дружино!
Луце жъ бы потяту быти,
неже полонену быти;
а всядемъ, братие,
на свои бръзѣя комони,
да позримъ
синего Дону!“
Спаль князю умъ
похоти,
и жалость ему знамение заступи
искусити Дону великаго.
„Хощу бо, - рече, - копие приломити
конецъ поля Половецкаго,
съ вами, русици, хощу главу свою приложити,
а любо испити шеломомъ Дону“.

О Бояне, соловию стараго времени!
Абы ты сѣя плъкы ущекоталъ,
скача, славию, по мыслену древу,
летая умомъ подъ облакы,
свивая славы оба полы сего времени,
рища въ тропу Трояню
чресъ поля на горы.
Пети было песнь Игоревѣ,
того внуку:
„Не буря соколы занесе
чрезъ поля широкая -

галици стады бежать
къ Дону великому“.
Чи ли въспети было,
вещей Бояне,
Велесовь внуче:
„Комони ржуть за Сулою -
звенить слава въ Кыеве;
трубы трубять въ Новеграде -
стоять стязи въ Путивле!“

Игорь ждетъ мила брата Всеволода.
И рече ему буй туръ Всеволодъ:
„Одинъ братъ,
одинъ светъ светлый -
ты, Игорю!
оба есве Святъславличя!
Седлай, брате,
свои бръзьи комони,
а мои ти готови,
оседлани у Курьска напереди.
А мои ти куряни - сведоми къмети:
подъ трубами повити,
подъ шеломы възлеяны,
конецъ копия въскрѣмлени;
пути имь ведоми,
яругы имь знаеми,
луци у нихъ напряжени,
тули отворени,
сабли изъстрени;
сами скачють, акы серьи влъци въ поле,
ищучи себе чти, а князю славе“.

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремянь
и поеха по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступаше;
нощь, стонущи ему грозою, птичь убуди;
свистъ зверинъ въста,
збися див,

кличеть врѣху древа,
велить послушати - земли незнаеме,
Волзе,
и Поморию,
и Посулию,
и Сурожу,
и Корсуню,
и тебе, Тьмутараканьскый блѣванъ!
А половци неготовыми дорогами
побегоша къ Дону великому:
крычатъ телегы полунощы,
рци лебеди роспущени.

Игорь къ Дону вои ведетъ!

Уже бо беды его пасетъ птиць
по дубию;
вльци грозу въсрожать
по яругамъ;
орли клетомъ на кости звери зовуть;
лисици брешуть на чръленыя щиты.
О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!

Длѣго ночь меркнетъ.
Заря свет запала,
мѣгла поля покрыла.
Щекотъ славий успе,
говоръ галичь убуди.
Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша,
ищучи себе чти, а князю - славы.

С зарания въ пятокъ
потопташа поганья плѣкы половецкыя,
и рассушясь стрелами по полю,
помчаша красныя девкы половецкыя,
а съ ними злато,
и паволокы,
и драгыя оксамиты.

Орьтъмами,
и япончицами,
и кожухы
начаша мосты мостити по болотомъ
и грязивымъ местомъ,
и всякими узорочьи половецкыми.
Чърленъ стягъ,
бела хирюговъ,
чрълена чолка,
сребрено стружие -
храброму Святъславличю!

Дремлетъ въ поле Ольгово хороброе гнездо.
Далече залетело!
Не было оно обиде порождено
ни соколу,
ни кречету,
ни тебе, чръный воронъ,
поганый половчине!
Гзакъ бежит серымъ влъкомъ,
Кончакъ ему следъ править къ Дону великому.

Другаго дни велми рано
крававья зори светъ поведаяють;
чръныя тучя с моря идуть,
хотять прикрыти 4 солнца,
а въ нихъ трепещуть синии мльнии.
Быти грому великому,
итти дождю стрелами съ Дону великаго!
Ту ся копиемъ приламати,
ту ся саблямъ потручяти
о шеломы половецкыя,
на реце на Каяле,
у Дону великаго!

О Руская земле, уже за шеломянемъ еси!

Се ветри, Стрибожи внуци, веють съ моря стрелами
на храбрыя плъкы Игоревы.
Земля тутнетъ,
реки мутно текутъ;
пороси поля прикрывають;
стязи глаголютъ:
половци идутъ отъ Дона
и отъ моря,
и отъ всехъ странъ рускыя плъкы оступиша.
Дети бесови кликомъ поля прегородиша,
а храбрии русици преградиша чрълеными щиты.

Яр туре Всеволоде!
Стоиши на борони,
прыщеси на вои стрелами,
гремлещи о шеломы мечи харалужными.
Камо, туръ, поскочяше,
своимъ златымъ шеломомъ посвечивая,
тамо лежать поганья головы половецкыя.
Поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя,
отъ тебе, яръ туре Всеволоде!
Кая раны дорога, братие, забывъ чти, и живота,
и града Чрънигова, отня злата стола,
и своя милыя хоти красныя Глебовны
свычая и обычая?

Были вечи Трояни,
минула льта Ярославля;
были плъци Олговы,
Ольга Святъславличя.
Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше
и стрелы по земли сеяше.
Ступаетъ въ златъ стремянъ въ граде Тьмуторокане,
той же звонъ слыша давный великый Ярославль,
а сынъ Всеволожь, Владимиръ,
по вся утра уши закладаше въ Чернигове.
Бориса же Вячеславличя слава на судъ приведе
и на Канину зелену паполому постла

за обиду Олгову
храбра и млада князя.
Съ тоя же Каялы Святоплъкъ полеле яти отца своего
между угорьскими иноходьцы
ко святей Софии къ Киеву.
Тогда, при Олзе Гориславличи,
сеяшется и растяшетъ усобицами,
погибашеть жизнь Даждьбожа внука,
въ княжихъ крамолахъ вещи человекомъ скратишась.
Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть,
нъ часто врани гряхуть,
трупиа себе деляче,
а галици свою речь говоряхуть,
хотять полетети на уедие.

То было въ ты рати и въ ты плъкы,
а сицей рати не слышано!
Съ зараниа до вечера,
съ вечера до света
летять стрелы каленя,
grimлють сабли о шеломы,
трещать копиа харалужныя
въ поле незнаеме,
среди земли Половецкыи.
Чръна земля подь копыты костьюми была посеяна,
а кровию поляна:
тугою взыдоша по Руской земли.

Что ми шумить,
что ми звенить -
далече рано предъ зорями?
Игорь плъкы заворочаетъ:
жаль бо ему мила брата Всеволода.
Бишася день,
бишася другый;
третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы.
Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы;
ту кроваваго вина не доста;

ту пирь докончаша храбрии русичи:
 сваты попоиша, а сами полегоша
 за землю Рускую.
 Ничить трава жалощами,
 а древо с тугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братие, не веселая година вѣстала,
 уже пустыни силу прикрыла.
 Вѣстала обида въ силахъ Дажьбожа внука,
 вступила девою на землю Трояню,
 всплескала лебедиными крылы
 на синемъ море у Дону;
 плещучи, упуди жирня времена.
 Усобица княземъ на поганья погыбе,
 рекоста бо братъ брату:
 „Се мое, а то мое же“.
 И начяша князи про малое
 „се великое“ мльвити,
 а сами на себе крамолу ковати.
 А погании съ всехъ странъ прихождаху съ побѣдами
 на землю Рускую.

О, далече зайде соколъ, птицъ бья, - къ морю!
 А Игорева храбраго плѣку не кресити!
 За нимъ кликну Карна, и Жля
 поскочи по Руской земли,
 смагу людемъ мычючи въ пламяне розе.
 Жены руския въсплакашась, аркучи:
 „Уже намъ своихъ милыхъ ладъ
 ни мыслию смыслити,
 ни думою сдумати,
 ни очима съглядати,
 а злата и сребра ни мало того потрепати“.

А вѣстона бо, братие, Киевъ тугою,
 а Черниговъ напастьми.
 Тоска разлися по Руской земли;
 печаль жирна тече средь земли Рускыи.

А князи сами на себе крамолу коваху,
а погании сами,
победами нарищуще на Рускую землю,
емляху дань по беле отъ двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича, -
Игорь и Всеволодъ -
уже лжу убудиста которую,
то бяше успилъ отецъ ихъ -
Святъславъ грозный великый Киевский -
грозою:
бяхеть притрепеталъ своими сильными плъкы
и харалужными мечи,
наступи на землю Половецкую,
притопта хлъми и яругы;
взмути ръки и озеры,
иссуши потоки и болота.
А поганого Кобяка изъ луку моря,
отъ железныхъ великихъ плъковъ половецкыхъ,
яко вихръ, выторже:
и падеся Кобяка въ граде Киеве,
въ гриднице Святъславли.
Ту немци и венецици,
ту греци и морава
поють славу Святъславлю,
кають князя Игоря,
иже погрузи жиръ во дне Каялы - реки половецкыя, -
рускаго злата насыпаша.
Ту Игорь князь выседе изъ седла злата,
а въ седло кощиево.
Уныша об градомъ забралы,
а веселие пониче.

А Святъславъ мутенъ сонъ виде
въ Киеве на горахъ.
„Си ночь, съ вечера, одевахуть мя - рече -
чръною паполомою
на кровати тисове;

чръпахуть ми синее вино,
 с трудомъ смешено;
 сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ
 великий женчюгъ на лоно
 и негують мя.
 Уже дьскы безъ кнеса
 в моемъ теремъ златовръсемъ.
 Всю ночь съ вечера
 босуви врани възгряяху у Плеснеска,
 на болони беша дебрь Кияня
 и несошася къ синему морю“.
 И ркоша бояре князю:
 „Уже, княже, тута умь полонила;
 се бо два сокола слетеста
 съ отня стола злата
 поискати града Тьмутороканя,
 а любо испити шеломомъ Дону.
 Уже соколома крильца припешали
 поганыхъ саблями,
 а самую опуташа
 въ путины железны“.

Темно бо бе въ 3 день:
 два солнца померкоста,
 оба багряная стлѣпа погасоста
 и съ ними молодая месяца,
 Олегъ и Святъславъ,
 тьмою ся поволокоста
 и въ море погрузиста,
 и великое буйство подаста хинови.
 На реце на Каяле тьма светъ покрыла -
 по Руской земли прострошася половци,
 аки пардуже гнездо.
 Уже снесеса хула на хвалу;
 уже тресну нужда на волю;
 уже врѣжеса дивь на землю.
 Се бо готьскыя красныя девы
 въспеша на брезе синему морю:

звоня рускыме златомъ;
поють время Бусово,
лелеють мечь Шароканю.
А мы уже, дружина, жадни веселия!
Тогда великий Святъславъ
изрони злато слово
с слезами смешено
и рече:
„О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!
Рано еста начала Половецкую землю
мечи цвелити,
а себе славы искати.
Нъ нечестно одолесте,
не честно бо кровь поганую пролиясте.
Ваю храбрая сердца
въ жестоцемъ харалузе скована
а въ буести закалена.
Се ли створисте моей сребреней седине?
А уже не вижду власти
сильнаго,
и богатаго,
и многовая
брата моего Ярослава
съ черниговьскими былями,
съ могуты,
и съ татраны,
и съ шельбиры,
и съ топчакы,
и съ ревуты,
и съ ольберы.
Тии бо бес щитовъ съ засапожники
кликомъ плъкы побеждаютъ,
звонячи въ прадедную славу.
Нъ рекосте: „Мужаимея сами:
преднюю славу сами похитимъ,
а заднюю си сами поделимъ!“
А чи диво ся, братие, стару помолодити!
Коли соколь в мытехъ бываетъ,

высоко птицъ възбиваетъ;
 не дасть гнезда своего въ обиду.
 Нъ се зло - княже ми непособие:
 наниче ся години обратиша.
 Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми,
 а Володимиръ подъ ранами.
 Туга и тоска сыну Глебову!“

Великий княже Всеволоде!
 Не мыслию ти прелетети издалеча,
 отня злата стола поблюсти?
 Ты бо можеши Волгу веслы раскропити,
 а Донъ шеломы выльяти!
 Аже бы ты былъ,
 то была бы чага по ногате,
 а кощей по резане.
 Ты бо можеши посуху
 живыми шерещиры стреляти -
 удалыми сыны Глебовы.

Ты, буй Рюриче, и Давыде!
 Не ваю ли вои
 злаченными шеломы по крови плаваша?
 Не ваю ли храбрая дружина
 рыкають, акы тури,
 ранены саблями калеными
 на поле незнаеме?
 Вступита, господина, въ злат стремень
 за обиду сего времени,
 за землю Рускую,
 за раны Игоревы,
 буюго Святъславлича!

Галичкы Осмомысле Ярославле!
 Высоко седиши
 на своемъ златокованнемъ столе,
 подперъ горы Угорскыи
 своими железными плъки,

заступивъ королеви путь,
затворивъ Дунаю ворота,
меча бремены чрезъ облакы,
суды ряда до Дуная.
Грозы твоя по землямъ текутъ,
отворяеши Киеву врата,
стреляеши съ отня злата стола
салтъани за землями.
Стреляй, господине, Кончака,
поганого кощя,
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
буего Святъславлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе!
Храбрая мысль носитъ вашъ умъ на дело.
Высоко плаваеши на дело въ буести,
яко соколъ, на ветрехъ ширяся,
хотя птицю въ буйстве одолети.
Суть бо у ваю железныи папорбци
подъ шеломы латиньскыми.
Теми тресну земля,
и многы страны -
Хинова,
Литва,
Ятвязи,
Деремела,
и половци сулици своя повръгоша,
а главы своя подклониша
подъ тыи мечи харалужныи.

Нъ уже, княже Игорю,
утръпе солнцю светъ,
а древо не бологомъ листвие срони:
по Роси и по Сули гради поделиша.
А Игорева храбраго плъку не кресити!

Донъ ти, княже, кличетъ
и зоветь князи на победу.
Олговичи, храбрыи князи, доспели на брань...

Инъгварь и Всеволодъ,
и вси три Мстиславичи,
не худа гнезда шестокрилци!
Не победными жребии
собе власти расхытисте!
Кое ваши златыи шеломы
и сулицы ляцкыи
и щиты?
Загородите полю ворота
своими острыми стрелами
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
буге Святъславлича!

Уже бо Сула не течеть сребреными струями
къ граду Переяславию,
и Двина болотомъ течеть
онымъ грознымъ полочаномъ
подъ кликомъ поганыхъ.
Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ,
позвони своими острыми мечи
о шеломы литовьскыя,
притрепа славу деду своему Всеславу,
а самъ подъ чрълеными щиты
на кроваве траве
притрепанъ литовскыми мечи
и с хотию на кров,
а тѣи рекъ:
„Дружину твою, княже,
птиць крилы приоде,
а звери кровь полизаша“.
Не бысть ту брата Брячяслава,

ни другаго - Всеволода.
Единъ же изрони жемчюжну душу
изъ храбра тела
чресь злато ожерелие.
Уныли голоса,
понице веселие,
трубы трубятъ городеньскийи.

Ярослави вси внуце и Всеслави!
Уже понизите стязи свои,
вонзите свои мечи вережени.
Уже бо выскочисте изъ дедней славе.
Вы бо своими крамолами
начясте наводити поганья
на землю Рускую,
на жизнь Всеславию.
Которою бо беше насилие
отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ вѣце Трояни
врѣже Всеславъ жребий
о девицю себе любу.
Тѣй клюками подпрѣ ся о кони
и скочи къ граду Киеву
и дотчеса стружиемъ
злата стола киевскаго.
Скочи отъ нихъ лютымъ зверемъ
въ плъночи изъ Белаграда,
обесися сине мъгле; утрѣже вазни,
с три кусы отвори врата Новуграду,
разшибе славу Ярославу,
скочи влъком
до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизе снопы стелютъ головами,
молотятъ чеппи харалужными,
на тоце животь кладутъ,
веютъ душу отъ тела.

Немизе кровави брезе
не бологомъ бяхуть посеяни -
посеяни костьми рускихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяше,
княземъ грады рядяше,
а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше:
изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя,
великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше.
Тому въ Полотьске позвониша заутренюю рано
у святыя Софеи въ колоколы,
а онъ въ Кыеве звон слыша.
Аще и вещь душа въ дерзе теле,
нъ часто беды страдаше.
Тому вещей Боянъ
и пръвое припевку, смысленый, рече:
„Ни хытру,
ни горазду,
ни пытьцю горазду
суда бо жиа не минути“.

О, стонати Руской земли,
помянувше пръвую годину
и пръвыхъ князей!
Того старого Владимира
нельзе бе пригвоздити къ горамъ киевськимъ:
сего бо ныне сташа стязи Рюриковы,
а друзии Давидовы,
нъ розно ся имъ хоботы пашуть,
копиа поють!

На Дунаи Ярославнынъ гласъ ся слышитъ,
зегзицею незнаема рано кычетъ:
„Полечю - рече - зегзицею по Дунаеви,
омочю беврянъ рукавъ въ Каяле реце,
утру князю кровавыя его раны
на жестоцемъ его теле“.

Ярославна рано плачетъ
въ Путивле на забрале, аркучи:
„О ветре, ветрило!
Чему, господине, насильно вееши?
Чему мычеши хиновьскыя стрелкы
на своєю нетрудною крилцю
на моя лады вои?
Мало ли ти бѣшетъ горе подъ облакы веяти,
лелеючи корабли на сине море?
Чему, господине, мое веселие
по ковылию развеза?“

Ярославна рано плачетъ
Путивлю городу на забороле, аркучи:
„О Днепре Словетицю!
Ты пробиль еси каменныя горы
сквозе землю Половецкую.
Ты лелеял еси на себе Святослави носады
до плѣку Кобякова.
Възлелей, господине, мою ладу къ мне,
а быхъ не слала къ нему слезъ
на море рано“.

Ярославна рано плачетъ
въ Путивле на забрале, аркучи:
„Светлое и тресветлое сълнце!
Всеми тепло и красно еси:
чему, господине, простре горячую свою лучю
на ладе вои?
Въ поле безводне жажду имъ лучи съпряже,
тугою имъ тули затче?“

Прысну море полунощи,
идуть сморци мъллами.
Игореву князю богъ путь кажетъ
изъ земли Половецкой
на землю Рускую,
къ отню злату столу.

Погасоша вечеру зари.
Игорь спить,
Игорь бдить,
Игорь мыслию поля мерить
отъ великаго Дону до малаго Донца.
Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рекою:
велить князю разумети:
князю Игорю не быть!
Кликну,
стукну земля,
въшуме трава,
вежи ся половецкии подвизашася.
А Игорь князь поскочи
горнастаемъ къ тростию
и белымъ гоголемъ на воду.
Въврѣжеса на брѣзь комонь
и скочи съ него бусымъ влъкомъ.
И потече къ лугу Донца,
и полете соколомъ подъ мъглами,
избивая гуси и лебеди
завтроку,
и обеду,
и ужине.
Коли Игорь соколомъ полете,
тогда Влуръ влъкомъ потече,
труся собою студеную росу:
претръгоста бо своя брѣзая комоня.

Донецъ рече:
„Княже Игорю!
Не мало ти величия,
а Кончаку нелюбия,
а Руской земли веселиа“.
Игорь рече: „О Донче!
не мало ти величия,
лелеявшу князя на влънахъ,
стлавшу ему зелену траву
на своихъ сребреныхъ брезехъ,

одевавшу его теплыми мъглами
 подъ сению зелену древу;
 стрежаше его гоголемъ на воде,
 чайцами на струяхъ,
 чрънядьми на ветрехъ“.
 Не тако ти, рече, река Стugna:
 худу струю имея,
 пожръши чужи ручьи и стругы,
 роstrена к устью,
 уношу князю Ростиславу затвори.
 Днепръ темне березе
 плачется мати Ростиславля
 по уноши князи Ростиславе.
 Уныша цветы жалобою,
 и древо с тугою къ земли преклонилося.

А не сорокы втроскоташа -
 на следу Игореве ездить Гзакъ съ Кончакомъ.
 Тогда врани не граахуть,
 галици помолькоша,
 сорокы не троскоташа,
 полозие ползоша только.
 Дятлове тектомъ путь къ реце кажуть,
 соловии веселыми песньми
 светъ поведають.

Молвить Гзакъ Кончакови:
 „Аже соколь къ гнезду летить,
 соколича ростреляеве
 своими злаченными стрелами“.
 Рече Кончакъ ко Гзе:
 „Аже соколь къ гнезду летить,
 а ве соколца опутаеве
 красною девицею“.

И рече Гзакъ къ Кончакови:
 „Аще его опутаеве красною девицею,
 ни нама будетъ сокольца,

ни нама красны девице,
то почнуть наю птици бити
в поле Половецкомъ“.

Рекъ Боянъ и Ходына,
Святъславля песнотворца
стараго времени Ярославля,
Ольгова коганя хоти:
„Тяжко ти головы кроме плечю,
зло ти телу кроме головы“ -
Руской земли безъ Игоря.

Солнце светится на небесе, -
Игорь князь въ Руской земли;
девицы поють на Дунаи, -
вьются голоса чрезъ море до Киева.
Игорь едет по Боричеву
къ святей богородици Пирогощей.
Страны ради, гради весели.

Певше песнь старымъ княземъ,
а потомъ молодымъ пети:

„Слава Игорю Святъславличю,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!“

Здрави князи и дружина,
побарая за христьяны
на поганья плъки!

Княземъ слава а дружине!
Аминь.